

Вчерашнее происшествие послужило Цзин Юньшу хорошим предостережением. Он едва прибыл в Янчжоу, еще не до конца приспособившись к местному климату, да и суэта вокруг Юнь Вэня отняла немало сил, из-за чего он упустил из виду некоторые важные мелочи.

Теперь же по его просьбе Чжун И принес тайный реестр Мао Юна. В этой тетради были собраны слухи и секреты, стекавшиеся из Башни Опирающегося Аромата, Сада Су и лавки «Десять ли красного приданого». Юньшу требовалось досконально разузнать о сомнительных приятелях Юнь Вэня. Тот, кто владеет полнотой сведений, всегда на шаг впереди. Если Юнь Вэнь действительно натравит на него своих дружков, лучше встретить их во всеоружии.

Если говорить начистоту, во всем Янчжоу едва ли нашлось бы больше трех семейств, заслуживающих пристального внимания Юньшу: великий главнокомандующий Ван Хунмин, губернатор Ди Чунь и старый господин Шэнь Мо, который в юности обучал нынешнего государя.

Нынешний правитель, хоть и славился жестокостью, к соратникам былых времен выказывал милость. Разумеется, чужая душа — потемки, и помыслов владыки не угадать, но старый Шэнь определенно был человеком выдающегося ума. Едва император взошел на престол, Шэнь Мо поспешил подать в отставку и удалиться на покой в родные края. Время доказало, насколько дальновидным оказался этот шаг. В бытность царевичем он отличался кротостью, почтительностью и умеренностью, да и первые годы после коронации правил вполне достойно. Но тяжелый недуг переменял его до неузнаваемости. Государь сделался вспыльчив, подозрителен и скор на расправу. Многие преданные слуги престола лишились голов лишь потому, что из чувства долга пытались вразумить безумствующего монарха.

Должно быть, старый Шэнь Мо загодя разглядел истинную натуру господина и рассудил, что от греха подальше лучше вовремя уйти в тень. Он сохранил за собой благосклонность императора, получил почетный титул Жун-гуна и с триумфом вернулся в Янчжоу. Пока его вчерашние соратники один за другим гибли в опале, старик помогал тем, кому мог, а если помочь было нельзя — не пускался в лицемерные утешения и не искал выгоды. Осмотрительный, хладнокровный и решительный, он вполне заслуживал прозвища «старый лис».

У Жун-гуна было двое сыновей. Старший, Шэнь Цисин, занимал почетную должность главы Академии Хунвэнь и носил чин четвертого ранга. Младший же, Шэнь Циси, в юности так и не сумел выслужиться, в чем винил исключительно отца, якобы не пожелавшего замолвить за него словечко. Когда старик подал в отставку, он забрал непутевого младшего сына с собой в Янчжоу.

Отношения между отцом и сыном вконец разладились. Шэнь Мо прочил наследнику место наставника в Янчжоуской государственной школе, но тот и слышать об этом не желал. Промучившись на нелюбимой службе едва ли год, Шэнь Циси ухитрился сойтись с Вэй Ханьжуй, младшей дочерью премьер-министра Вэй Буина.

Премьер-министр Вэй Буин не был благословен обилием наследников: его единственный сын умер во младенчестве, оставив отца с двумя дочерьми. Старшая, законнорожденная, вошла в

императорский гарем и со временем стала благородной супругой Вэй Инлю — матерью третьего принца У Чэнби.

Вторую же дочь, Вэй Ханьжуй, даже наложничьим отродьем назвать было трудно. Премьер-министр прижил ее с певичкой из веселого квартала. А поскольку закон запрещал переводить людей низкого сословия в сословие благородных, девочка унаследовала статус матери. Впрочем, благодаря могуществу отца и высокому положению сестры-супруги, Ханьжуй жила в роскоши. Когда же пришла пора выдавать девицу замуж, Вэй Буин объявил, будто она с младенчества воспитывалась под крылом законной супруги, и официально признал ее дочерью от наложницы. Тем не менее знатные столичные роды по-прежнему брезговали этим союзом.

На фоне блистательной старшей сестры Вэй Ханьжуй выглядела бледно и завистливо. Во время поездки в Янчжоу она познакомилась с женатым Шэнь Циси, и между ними завязалась тайная постыдная связь. Окончилось все тем, что семейство Вэй явилось на порог к Шэнь Мо, ведя под уздцы беременную дочь. Лишь тогда старый Жун-гун узнал о позоре.

Вэй Буин, впрочем, не упустил выгоды. Хоть девица и не вышла происхождением, породниться через нее с Шэнь Мо — чистейшим столпом конфуцианской добродетели и наставником государя — было отличным ходом. Премьер-министр лично пожаловал к Шэнь Мо сватать зятя.

Шэнь Циси закусил удила: он твердо вознамерился дать жене развод и ввести Вэй Ханьжуй в дом законной супругой. Жун-гун ответил решительным отказом — мараться о семейство Вэй и потакать глупости сына старик не собирался. Поняв, что уговоры не действуют, он проявил суровую непреклонность: выставил мерзавца вон, вычеркнул его имя из родословной книги и запер перед ним ворота усадьбы, отрекшись от него навеки.

Шэнь Циси в долгу не остался — назло отцу он сменил имя на Шэнь Хай. Деваться ему было некуда, мосты сожжены, назад пути нет. Без поддержки родного клана ему оставалось лишь уповать на милость тестя. Он развелся с первой женой и сочетался браком с Вэй Ханьжуй.

Плевать он хотел на пересуды и косые взгляды. Расчет премьер-министра Вэй, правда, не оправдался — породниться с великим наставником не вышло, — но бросать зятя на произвол судьбы не стоило. Вэй Буин пристроил Шэнь Хая к янчжоускому соляному промыслу, выделив ему жирный кусок пирога.

Лишенный стыда и совести, новый делец не брезговал ни шантажом, ни подкупом, и дела его быстро пошли в гору. Ныне Шэнь Хай возглавлял гильдию янчжоуских солеторговцев, владел несметными богатствами и, пользуясь родством с императорским домом, заправлял в городе всем, не зная преград. А юноша, пировавший с Юнь Вэнем в Башне Опирающегося Аромата, приходился этому дельцу вторым сыном. Звали его Шэнь Шуй.

Отпрыску главнокомандующего Ван Хунмина якшаться с бездельником вроде Юнь Вэня не позволял высокий статус. Сын губернатора Ди Чуня тоже держался в стороне — отец его славился строгостью нравов и держал семью в ежовых рукавицах. Стало быть, ни тот, ни другой помогать Юнь Вэню не вызвались бы. Единственным, кто мог пойти на поводу у

приятеля и ввязаться в драку, оставался Шэнь Шуюй.

Разобравшись в хитросплетениях янчжоуских интриг, Цзин Юньшу закрыл тетрадь и велел Чжун И вернуть ее владельцу. Мао Юн — матерый местный делец, хитрый, как лиса с тремя норами. У него эти бумаги целее будут, да и пользы принесут куда больше.

Заметив, что хозяин закончил дела, Чжили подала на стол тарелку со слоеным пирогом.

— Это знаменитый янчжоуский слоеный пирог, в Саду Су такого не сыщешь, — проговорила она. — Самый лучший пекут у переправы, там держит лавку одна пожилая чета. Наша кухарка спозаранку за ним ходила. Попробуйте, господин?

Цзин Юньшу отломил кусочек. пышное, в меру сладкое тесто отдаленно напоминало рисовые пышки, но таяло во рту, раскрываясь множеством нежнейших слоев. Вся южная кухня отличалась такой изысканностью — мягкая, утонченная, словно весенняя речная гладь или певучий южный говор.

— Кухарка сказывала, — вздохнула Чжили, — хозяйский сынок больше всего любил это лакомство. Как ушел на службу, так вестей от него почти нет. Вот старики и держат лавку у самой дороги, все надеются, что однажды он вернется домой. Хорошо все-таки, когда на свете есть кто-то, кто тебя ждет.

Тоска по родине исстари въедается людям в кости.

— Да, — тихо отозвался Юньшу.

Жаль только, самому ему это чувство было неведомо. Оглядываясь на прошлую жизнь, он не помнил семейного тепла — лишь бесконечные скандалы родителей. Отец занимал высокий пост, мать вела дела, оба редко бывали дома, а стоило им пересечься, как через пару минут в комнатах уже звенела яростная брань.

Потом у отца появилась другая женщина, и он совсем перестал приходить. Юньшу, заметив перемены, однажды тайком проследил за ним и увидел чужой дом, где его отец, чужая женщина и их ребенок казались настоящей, счастливой семьей. Когда мать узнала об измене, она устроила грязную сцену. Из криков расвирепевшего отца Юньшу с изумлением узнал, что и у матери давно есть любовник. Мальчик тогда просто сидел в углу и безучастно ждал, когда у них иссякнут силы кричать.

Он не знал, что такое дом. Сверстники завидовали его богатству, подлизы искали его дружбы — шутка ли, единственный наследник влиятельного человека! Любовница отца родила троих дочерей, но так и не подарила ему мальчика, поэтому Юньшу оставался единственным преемником, пусть и с врожденным пороком сердца. Отец ни в чем ему не отказал, но чем больше у Юньшу становилось дорогих вещей, тем глубже зияла пустота в его душе.

Отец не желал мириться с судьбой и пытался вырастить из сына замену себе. Юньшу покорно следовал за ним, безучастно наблюдая за подковерными играми взрослых. Он видел, как рушились карьеры одних и возносились другие, как вчерашние враги обменивались фальшивыми улыбками, пряча ножи за пазухой, как пресмыкались перед сильными и топтали слабых в чад бесконечных банкетов. А потом, наперекор воле родителя, выбрал медицинский факультет. Ошеломленный отец тогда знатно его позабавил.

Юньшу насмотрелся на изнанку жизни столь рано, что в глубине души чувствовал себя дряхлым стариком. Лишь накрахмаленный белый халат возвращал ему подобие бодрости. Но изменить свою судьбу он не мог. Ему оставалось лишь прислушиваться к глухим ударам больного сердца, выторговывая у смерти секунду за секундой. Он сознательно отказывался от лечения — зачем длить бессмысленное существование? Мир не мог предложить ему ничего нового, и умереть молодым казалось избавлением.

Отогнав призраки прошлого, Цзин Юньшу вздохнул и посмотрел на служанку:

— Чжихуа уже сосватана, пора и тебе подумать о замужестве. Откроете лавочку, как те старики у переправы, станете жить тихо и мирно. Разве плохо?

Чжили смутилась, на миг опустил глаза, а затем покачала головой:

— А как же вы, господин?

Юньшу невольно усмехнулся.

— Я?

Он слишком привык к одиночеству. Да и куда ему, с его-то немощным телом, брать на себя заботу о ком-то еще? Кто знает, сколько ему отпущено богами. Жениться — значит обречь ни в чем не повинную девушку на раннее вдовство.

— Впрочем, — Цзин Юньшу мягко улыбнулся, — найдись симпатичный повар, готовый каждый день баловать меня вкусностями и делить со мной досуг, я бы, пожалуй, не отказался провести с ним остаток дней.

Чжили опешила от неожиданности.

— Мужчину?... — пролепетала она, округлив глаза.

Юньшу взглянул на нее с привычным ленивым спокойствием, словно речь шла о самой заурядной вещи.

— Почему бы и нет?

Служанка поспешно совладала с удивлением.

— Мое дело — во всем потакать вашим прихотям, господин, — рассудительно ответила она. — Только вот каким же красавцем должен быть этот повар, чтобы вы обратили на него внимание?

Юньшу откинулся на мягкие подушки и уставился в потолок.

«Да я и сам не знаю, — подумал он. — Но уж точно не такой нескладный, как принц Чу. Хотя, пожалуй, будь этот принц Чу чуть миловиднее лицом и не столь знатен, с его кротким нравом из него вышел бы идеальный спутник для тихой загородной жизни»

Чжили поднялась с колен.

— Господин, мне велеть распорядителю Чэню отправить ответ в передний двор?

Цзин Юньшу недоуменно моргнул:

— Какой еще ответ?

— На приглашение принца Чу, разумеется, — улыбнулась девушка.

Юньшу ненадолго задумался.

— Передай, что я приму приглашение, — наконец произнес он и тихо добавил под нос: — Почему бы и впрямь не навестить его? Интересно, что он скажет на этот раз.

Вспомнив, как нелепо робел принц Чу при их прошлой встрече, запинаясь и путаясь в словах, Юньшу невольно улыбнулся.

— Вы о ком, господин? — переспросила Чжили, уловив его бормотание.

— Пустяки, — отмахнулся Юньшу. — Ступай.